

Сальников Евгений Вячеславович

ЭКСТРЕМИСТЫ-СМЕРТНИКИ И КАМИКАДЗЕ: ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС САМОУБИЙСТВЕННЫХ АКЦИЙ

В статье представлен философский анализ самоубийственных экстремистских акций. Автор демонстрирует, что для экстремизма характерна тяга к смерти, но эту специфическую черту нельзя рассматривать как некое психическое отклонение. Экстремизм как снятая форма самоубийства оказывается возможен только в случае устранения насилия разумом в дискурсе власти, переосмысления роли и места смерти в мировоззрении субъекта, превращения смерти из отрицательной ценности в положительную. В подтверждение приводимых идей автор проводит компаративистский анализ экстремистского мировоззрения с мировоззрением камикадзе времен Второй мировой войны, демонстрируя, что самоубийственные акции камикадзе есть следствие изменения содержания и значения смерти под воздействием идей самурайства, выраженных в разумном дискурсе власти.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/4-1/44.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (18): в 2-х ч. Ч. I. С. 165-168. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 14

В статье представлен философский анализ самоубийственных экстремистских акций. Автор демонстрирует, что для экстремизма характерна тяга к смерти, но эту специфическую черту нельзя рассматривать как некое психическое отклонение. Экстремизм как снятая форма самоубийства оказывается возможен только в случае устранения насилия разумом в дискурсе власти, переосмысления роли и места смерти в мировоззрении субъекта, превращения смерти из отрицательной ценности в положительную. В подтверждение приводимых идей автор проводит компаративистский анализ экстремистского мировоззрения с мировоззрением камикадзе времен Второй мировой войны, демонстрируя, что самоубийственные акции камикадзе есть следствие изменения содержания и значения смерти под воздействием идей самурайства, выраженных в разумном дискурсе власти.

Ключевые слова и фразы: экстремизм; смерть; камикадзе; экстремизм как снятая форма самоубийства; идеология; самоубийственные акции; экстремисты-смертники; мировоззрение экстремистов.

Евгений Вячеславович Сальников, к. филос. н., доцент
Кафедра социально-философских дисциплин
Орловский юридический институт МВД России
esalnikov2005@yandex.ru

ЭКСТРЕМИСТЫ-СМЕРТНИКИ И КАМИКАДЗЕ: ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС САМОУБИЙСТВЕННЫХ АКЦИЙ[©]

Одним из наиболее опасных и всегда резонансных проявлений экстремизма наших дней являются акты насилия, осуществляемые смертниками. События 11 сентября 2001 года в США, теракт в Домодедово и многие другие кровавые драмы оставили свой трагический след в истории человечества. Подобного рода события настоятельно требуют изучения суицидальных особенностей экстремизма.

Впервые вопрос о суицидальной составляющей экстремизма затрагивает еще в 1894 г. Ч. Ломброзо в своей работе «Анархисты» [6]. Ломброзо формулирует положение о том, что экстремизм есть снятая форма самоубийства. Анализ экстремистской деятельности на протяжении последующего столетия предоставил достаточное количество примеров, подтверждающих идею Ч. Ломброзо.

Не только ученые и философы, но и сами экстремисты открыто признавали факт некоей связи их деятельности и самоубийства. Тема самоубийства, вопрос о смерти присутствует в воспоминаниях, дневниках и мемуарах практически всех экстремистов. В качестве примера можно привести лидера «Черных пантер» Х. П. Ньютона, изложившего свои взгляды в автобиографической работе под названием «Революционное самоубийство» [8]. Согласно позиции Ньютона, смирение и покорность репрессивной системе оказывается смертью, а вооруженная борьба, постоянное балансирование в экстремистских акциях на грани жизни и смерти даруют возможность настоящего бытия. Поэтому подлинная жизнь – это революционное самоубийство.

В качестве другого примера можно привести Б. Савинкова, в автобиографической прозе которого суицидальные мотивы занимают важнейшее место. Достаточно поэтично пишет он о самоубийственной смерти: «Мне не нужно тихого света. Пусть любовь спасет мир. Мне не нужна любви. Я один. Я уйду из скучного балагана. И, – отвернется на небе храм, – я скажу и тогда: все суета и все ложь. Сегодня ясный, задумчивый день. Река сверкает на солнце. Я люблю ее величавую гладь, лоно вод, глубоких и тихих. В море гаснет печальный закат, горят багряные зори. Грустно плещет волна. Никнут ели. Пахнет смолой. Когда звезды загнутся, упадет осенняя ночь, я скажу мое последнее слово: мой револьвер со мной» [9, с. 484].

Совершенно очевидно, что именно эта взаимосвязь экстремизма и самоубийства формирует фундамент для самоубийственных акций. Экстремисты в целом (а смертники – в наиболее ярком выражении) действуют «лицом к смерти», находясь в притяжении смерти, в поле смерти. Их постоянная готовность к смерти, переживание иной смерти как снятой собственной смерти и есть самоубийство в символической или актуальной форме. Однако утверждение этой взаимосвязи само по себе недостаточно. Необходимым представляется дать ответ на вопрос: является ли выявленная суицидальная тенденция специфичной чертой психики экстремизма или же объяснение данного феномена коренится вне сферы психической жизни индивида?

Западные ученые, специализирующиеся на данной проблеме, неоднократно предпринимали попытки опытной проверки гипотезы о склонности экстремистов к самоубийству (убийству) как особой формы психического отклонения. Полученные результаты полностью опровергали выдвинутую гипотезу. Как отмечает М. Сейджман, «имеющиеся данные свидетельствуют об отсутствии у террористов серьезных душевных расстройств» [10, с. 90]. «С точки зрения душевного здоровья, – констатирует американский исследователь, – террористы на удивление нормальны» [Там же, с. 93]. М. Сейджман указывает на тот факт, что с конца семидесятых годов эксперты в области экстремизма неоднократно пытались идентифицировать некие общие предрасположенности к терроризму. Объектами наиболее масштабных исследовательских проектов стали

бывшие немецкие и итальянские террористы 1970-х годов. В рамках этих исследований был сделан вывод о том, что никакого психологического профиля террориста (экстремиста) не существовало.

Равным образом и в среде отечественных исследователей все большее и большее число специалистов полагают, что «вряд ли можно дать единую универсальную криминологическую и социально-психологическую характеристику личности экстремиста» [7, с. 23]. Несмотря на накопленный уже значительный опыт борьбы с самоубийственными акциями, единый психологический портрет личности экстремиста так и не сформирован, а какие-то патологические черты психики экстремиста, отвечающие за склонность к убийству и самоубийству, за особое влечение к смерти, не выявлены.

Представляется, что объяснение феномена экстремистов-смертников заключено в иной плоскости. Самоубийственный акт насилия и бытие-лицом-к-смерти вообще возможны лишь в случае снятия, устранения насилия разумным обоснованием. Оправдание насилия в слове приводит к его уничтожению, устранению, причём настолько полному, что оно распространяется и на насилие, обращенное к себе.

Б. Г. Капустин говорит о снятии насилия разумом в слове власти как о характерной черте новоевропейской цивилизации. Разум схватывает воедино исходный принцип и конечное действие – эмпирическое насилие, превращая его из деструктивного акта уничтожения в технологию власти. По мнению отечественного исследователя, утверждение подобного подхода привело к утверждению очень спорной по своим исходным основаниям позиции: «Там, где правит разум, и в той мере, в которой он правит, нет места насилию» [4, с. 6]. В слове субъекта власти разум осуществляет некую легитимацию насилия, разум позволяет человеку осознать необходимость насилия и в этой связи уже не воспринимать его как насилие. «Способность осуществлять насилие (“править”), конституируя нечто в качестве разума, одновременно устанавливает и его противоположность, насилие над которой представляется разумным», – отмечает Б. Г. Капустин [Там же].

Именно подобные технологии снятия насилия в слове, в некоем властном дискурсе и лежат в основе суицидальности экстремизма. Насилие исчезает, становясь ненасилием, смерть перестает быть смертью. Причем, как верно указывает Б. Г. Капустин, «в противоположных перспективах господства и сопротивления разум и насилие получают разные определения, истинность которых может быть выявлена только политической победой одной из сторон, но никак не философским созерцанием и еще меньше объективной наукой. И созерцание, и наука лишь *post factum* санкционируют победу одного из видов разума, и эта победа всегда утверждает новую легитимность насилия» [Там же, с. 7]. Таким образом, снятие насилия в дискурсе разума официальной власти никак не может разрушить снятие насилия в дискурсе власти экстремистской, в слове субъекта, обладающего властью в рамках конкретного экстремистского сообщества.

В подтверждение обосновываемой позиции приведем результаты исследования механизмов подготовки террористов-смертников. Такие исследователи, как Ю. Юзик [12], И. Сундиев, Ф. Серый [11], указывают на то, что обязательной составляющей подготовки экстремиста-смертника является мощнейшая идеологическая обработка. Именно это идеологическое воздействие и есть тот дискурс власти, в рамках которого слово снимает насилие, упраздняет его. Именно этот дискурс создает особый социальный, религиозный и культурный контекст, который, по мнению М. Сейджмана [10], делает возможной самоубийственную экстремистскую акцию.

В дискурсе экстремистской власти происходит смена ценностных ориентиров – ценности смерти и жизни поменялись местами. Экстремистский дискурс утверждает смерть как положительную ценность. Умереть в борьбе почетно, только враг будет цепляться за жизнь, унижаясь и теряя человеческий облик. Жизнь, в которой приходится терпеть унижения и смиряться, жизнь неподлинная есть жизнь неполноценных людей – врагов. Образ врага связан с этой неподлинной, неправильной жизнью, за которую он цепляется и тем выдает свою неполноценность. Подлинный человек – экстремист – предпочтет борьбу, лишения и смерть. Умереть за правое дело означает прожить подлинную жизнь, тогда как отказаться от борьбы в угоду призрачному существованию, неподлинному доживанию и смирению – вот что означает смерть. Мир экстремиста биполярен. Или – или, промежуточных ступеней нет. Х. Майнс, один из лидеров *RAF*, писал: «Свинья или человек, спасение любой ценой или битва насмерть, проблема или решение. Третьего не дано... В любом случае я был на стороне правды... все равно все умрут. Единственный вопрос, это как ты умрешь и как ты жил. Ну, а здесь все ясно: воевал со свиньями, как человек за освобождение человечества; революционер, воевавший с любовью к жизни и презревший смерть» [1, с. 63].

Для подтверждения обосновываемых здесь положений о том, что суицидальность экстремизма есть следствие снятия насилия и устранения смерти разумом во властном дискурсе, проведем компаративистский анализ суицидальности экстремизма с другим самоубийственным феноменом – акциями японских *камикадзе* времен Второй мировой войны.

Массовые действия японских смертников – *камикадзе* – представляют собой один из наиболее необычных феноменов боевых действий на фронтах Второй мировой войны. *Камикадзе* – это не единичные действия отдельных солдат или офицеров, а специально сформированные подразделения, действовавшие на земле, в воздухе, на воде и даже под водой. Их самоубийственные атаки производили не только материальный урон, но и оказывали большое психическое воздействие на противника.

Фундамент для возникновения феномена *камикадзе* закладывается теми принципами, на которых осуществлялось формирование вооруженных сил Японского государства после реставрации императорской власти в 1864 г. Это было не просто создание родов и видов войск. Это было становление дискурса власти, который переносил нормы самурайской культуры на современные воинские образования. Государство воплощало

дух Японии, этот дух должны воплощать и ее воины. Следовательно, их путь предопределен средневековыми канонами, а самураи – ясные образцы для подражания.

Самурайская культура – это путь воина – Бусидо, в котором центральное место занимает решение вопроса о смерти. «Путь воина обретается в смерти, – утверждается в главнейшем трактате самурайства – Хагакурэ, – когда для выбора имеются два пути, существует лишь быстрый и единственный выход – смерть» [5, с. 20]. Японский воин становился в полном смысле воином лишь тогда, когда полностью овладевал духом. Это не требовало чтения книги, исполнения энергоемких ритуалов и обрядов, а являлось сатори-озарением, открывавшим всю призрачность вещей и всю бездну небытия. Подобный взгляд на мир оправдывал уничтожение всего, включая и себя самого. «Когда есть выбор умирать или не умирать, то лучше умереть» [Там же, с. 67].

Японская воинская традиция видела в этом полномасштабном уничтожении торжество Пути. Насилие позволяло воину обретать самотождественность. Его долг был в том, чтобы убивать и умирать. Во многих воинских наставлениях порицается образ размышляющего воина. Мысль как оправдание долга абсолютно не нужна, более того, она ослабляет долг и может даже отвлечь человека от его исполнения. Нет ни морали, ни выгоды – ничего, кроме того Пути, которым воину надлежит пройти, кроме исполнения долга.

«Путь самурая заключается в безрассудности. Такого человека не смогут убить и десяток людей. С помощью здравого смысла не добиться великих вещей. Просто перестань думать и стань безумным (испытай безумное желание смерти)» [Там же, с. 66].

В рамках традиционного общества подобный подход приводил к расцвету культуры, культуры неповторимой, культуры, наслаждавшейся смертью. Речь идёт не о презрении к смерти, а о равнодушном отношении к ней, о естественном принятии небытия. Самурайство превращает это положение дзэн в средство воспитания человеческого бесстрашия. Дзэн воспитывал в самураях не просто равнодушие к смерти, но даже своеобразную любовь к ней. В смерти виделась единственная истина, ибо в ней воплощается долг – последнее основание бытия.

Поскольку всё в этом мире всего лишь обман,

Искренность обретаешь лишь в смерти [Там же, с. 217].

Истинность смерти определяла и её красоту. Умение абстрагироваться от мирской суеты, от прозы жизни, от жестокостей военного времени, способность видеть «вечность в чашечке цветка» с ранних лет заботливо пестовались в юношах и девушках родителями, учителями, всем их окружением. Жизнь при всей её полноте есть не более чем «ветер и поток», в котором следует жить лишь настоящим. Ничто, кроме этого настоящего, человеку недоступно, и потому все свои силы ему стоит бросить на то, чтобы прожить это мгновение так, как он должен. «Прежде всего, Путь самурая заключается в осознании того, что ты не знаешь, что случится в следующее мгновение, и в денном и ночном выяснении каждой возможности. Победа и поражение – это вопрос временных обстоятельств. Чтобы избежать позора, нужно выбрать иной путь – смерть» [Там же, с. 42].

Смерть становилась подлинным путём воина и поэтому прославлялась. Жизнь и так призрачна во всей буддийской традиции, а здесь долг ещё и призывал к её уничтожению.

С чем же сравнить тело твоё, человек?

Призрачна жизнь, словно роса на траве,

Словно мерцанье зарниц.

В этом стихотворении дзэнского мастера Роана отражён не субъективный взгляд на действительность, а универсальная истина, не требующая никаких подтверждений. Именно такое представление о смерти было присуще самураям, которые видели всё предназначение в том, чтобы «уподобиться опадающим лепесткам сакуры», погибнуть в бою, «словно яшма, разбивающаяся об утёс».

Символика красоты смерти присутствовала и в слагавшемся перед смертью стихотворении. Конечно, земная жизнь есть лишь звено в длинной цепи перерождений, обусловленных кармой, и не существует стены между бытием и небытием. Однако человек способен облагородить каждое мгновение жизни, осознав и прочувствовав первозданную красоту окружающего «бренного мира», красоту непостоянства. Это свершалось благодаря исполнению долга. Не случайно в этой связи и синтоистское обожествление оружия.

Возникает особое прославление самоубийства как высочайшего торжества духа. Ясунари Кавабата, сам покончивший жизнь самоубийством, приводит строки посмертного письма другого самоубийцы Акутагавы Рюноске: «Наверно, я постепенно лишился того, что называется инстинктом жизни, животной жадной. Я живу в мире воспаленных нервов, прозрачный как лед... Меня преследует мысль о самоубийстве. Только вот никогда раньше природа не казалась мне такой прекрасной! Вам, наверное, будет смешно, покажется парадоксальным: человек, очарованный красотой природы, думает о самоубийстве. Но природа потому сейчас так прекрасна, что отражается в моем последнем взоре» [3, с. 347].

Именно на основе вышеуказанных норм бусидо разрабатывается центральный документ японской армии нового образца – «Императорский рескрипт солдатам и матросам». В его рамках открывалась «вторая» природа вещей, когда сама смерть становилась феноменом близким и непредельным, а долг перед государством, долг солдата – высшей ценностью. «Не забывай, что долг тяжелее, чем гора, в то время как смерть легче пера... Даже опытный в военном деле солдат или матрос – всего лишь обыкновенная кукла, если он не верен своему долгу. Дисциплинированное подразделение во главе с хорошим командиром, но не до конца верное своему долгу, в случае военных действий – не более чем толпа» [2, с. 41].

В конечном итоге все это органично приводило к формированию самоубийственного мировоззрения личного состава, что и вылилось в широком распространении практики самоубийственных атак. Причем это были не единичные случаи. Подразделения камикадзе официально формировались, более того, в ряде боевых операций именно на них делалась основная ставка. И опять же, камикадзе не следует признавать полумными фанатиками. Этому противоречат, во-первых, размеры явления, во-вторых, письма и воспоминания очевидцев, которые доказывают наличие здравого смысла и высокую логику мышления. Это было мировоззрение, где разум с безукоризненной логикой выводил из аксиоматики народного государства необходимость отдать за него жизнь. Смерть за государство, «Восемь жизней за императора» были высшей наградой. В этом случае человек получал возможность пройти путем воина, совершить свой долг. Разум снимал насилие настолько полно, что оправдывал собственную смерть.

Самоубийственные акции камикадзе – это не помешательство. Разум может оставаться бодрствующим и пристально чистым даже в минуты совершения самоуничтожающего насилия. Это лишь иное мировоззрение, иной взгляд воина на логику войны, снятие насилия в ином дискурсе. Как верно заметил Ю. Иванов в своем исследовании, посвященном камикадзе: «У этих мальчишек трезвый, проницательный ум, и они способны, анализируя происходящее, заявить: “Кто может сказать, что атомная бомба более гуманна?”» [Там же, с. 496].

Таким образом, компаративистский анализ показывает, что самоубийственная акция насилия возможна лишь в случае снятия насилия в дискурсе, в котором слово осуществляет переоценку ценности смерти и жизни. Нет и не может быть экстремиста-смертника или камикадзе без дискурса власти, который разумом устраняет насилие.

Проведенный анализ позволяет сформулировать важный вывод о том, что экстремизм нельзя воспринимать как некое случайное отклонение, некий вирус, приводящий к помешательству. Экстремистское насилие не бессмысленно и умалишенно. Оно разумно и тем более опасно, чем более безупречно разум снимает насилие во властном дискурсе и взаимозаменяет смерть и жизнь в аксиологической перспективе.

Список литературы

1. Вэйг Т. Телемечтатели: фракция Красной Армии: 1963-1993. Гродно, 2004.
2. Иванов Ю. Камикадзе – летчики-смертники. Минск, 2004.
3. Кавабата Я. Красотой Японии рожденный // Антология дзэн. Челябинск, 2004.
4. Капустин Б. Г. К понятию политического насилия // Полис. 2003. № 6.
5. Кодекс Бусидо. Хагакурэ. Сокрытое в листве. М., 2004.
6. Ломброзо Ч. Преступление. Новейшие успехи науки о преступлении. Анархисты. М., 2004.
7. Мусаелян М. Ф. Личность участника неформальных молодежных экстремистских организаций (группировок) // Адвокат. 2010. № 6.
8. Ньютон Х. П. Революционное самоубийство. М.: Ультра-культура, 2005.
9. Савинков Б. (Ропшин В.) Конь бледный // Савинков Б. Автобиографическая проза. М.: Захаров, 2002.
10. Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. М.: Идея-Пресс, 2008.
11. Сундиев И., Серый Ф. Как выбирают невест смерти // Щит и меч. 2005. 3-9 февраля.
12. Юзык Ю. Невесты Аллаха: лица и судьбы всех женщин-шахидок, взорвавшихся в России. М.: Ультра-культура, 2003.

EXTREMISTS - SUICIDE MURDERERS AND KAMIKAZE: PHILOSOPHICAL DISCOURSE OF SUICIDAL ACTIONS

Evgenii Vyacheslavovich Sal'nikov, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Social-Philosophical Disciplines
Orel Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia
esalnikov2005@yandex.ru

The author presents the philosophical analysis of suicidal extremist actions, demonstrates that extremism is characterized by attraction to death, but this particular feature cannot be regarded as a kind of mental disorder, shows that extremism as a withdrawn suicide form is possible only in case of violence elimination by mind in power discourse, death role and place in a subject's worldview rethinking, death transformation from a negative to a positive value, and substantiates these ideas by conducting the comparative analysis of extremists' worldview with the worldview of kamikaze of the World War II demonstrating that kamikaze's suicide actions are the consequence of death content and meaning changes under the influence of samurai ideas expressed in power rational discourse.

Key words and phrases: extremism; death; suicide; extremism as withdrawn suicide form; ideology; suicidal actions; extremists - suicide murderers; extremists' worldview.